

ИДЕЯ РАЗВИТИЯ И ОНТОЛОГИЯ КОНФЛИКТА: от философских оснований к методам СМД-диагностики

Цой Л.Н. – канд. соц. наук, СМД-конфликтолог¹

Введение

Что такое развитие? На первый взгляд, ответ кажется очевидным: это движение от низшего к высшему, от простого к сложному, от старого к новому. Однако при углублении в этот вопрос привычная определённости уступает место философскому изумлению. Развитие — не эмпирический факт, не линейный процесс и не технологическая операция. Оно есть зов, обращённый к человеку, требование выйти за собственные пределы, рискнуть, нарушить покой устоявшихся форм.

Именно так — экзистенциально и метафизически — понимает развитие В.А. Проскурнин. Его размышления, развивающие традицию системо-деятельностной и системо-мысле-деятельностной методологии (далее — СМД-подход), предлагают не просто концепцию, а целое мировоззрение. В его текстах развитие предстаёт как напряжение между невозможным и необходимым, между тем, что человек уже есть, и тем, чем он мог бы стать, дерзнув прикоснуться к запредельному.

Настоящая статья представляет собой опыт философского прочтения ключевых идей Проскурнина о развитии с последующим переходом к инструментарию диагностики конфликта. Опираясь на его трёхтомное собрание сочинений, а также на труды Гессена, Лефевра, Гартмана и других мыслителей, мы разворачиваем те смыслы, которые в текстах автора часто даны сжато, но всегда — с предельной напряжённостью мысли. Во второй части статьи мы обращаемся к методам диагностики конфликта, которые разрабатывает Московская школа конфликтологии (далее — МШК) на основе схемы мыследеятельности (далее — МД) Г.П. Щедровицкого. МШК разделяет философские основания Проскурнина, но в качестве методологической рамки для диагностики конфликта использует схему МД.

Настоящая статья ставит своей целью не описание эмпирических форм конфликта и не разработку практических методик его разрешения. Её задача — иной природы: она состоит в онтологической экспликации конфликта как категории, имеющей свои основания в структуре универсумов, конститутивов и механизмах мышления, разработанных в традиции СМД-методологии. Иными словами, мы пытаемся ответить на вопрос: что есть конфликт в горизонте мысли, а не в плоскости поведения?

Исходная гипотеза нашего исследования состоит в том, что онтология конфликта — это не область специального знания, а проекция более общей онтологии развития, заданной в работах Проскурнина и восходящей к классическим основаниям СМД. В этом смысле конфликт не добавляется к онтологии развития в качестве отдельного блока, а обнаруживается внутри неё как её скрытый нерв, как условие и следствие каждого акта преодоления и проблематизации.

¹ <https://conflictmanagement.ru/coj-lyubov-nikolaevna/>

Раздел 1. Онтология развития в работах В.А. Проскурнина

1.1. Развитие как «имя претензии»: экзистенциальный акт вместо эволюционного процесса

В своей работе по онтологии развития В.А. Проскурнин формулирует парадоксальное, на первый взгляд, утверждение: развитие не онтологизируемо [1, с. 27]. Оно не имеет своего идеального объекта, не может быть представлено в виде устойчивой структуры, не подчиняется «закону прогресса», который мог бы быть открыт и описан научным образом. Развитие, по Проскурнину, есть «имя претензии» — жест устремлённости человека к тому, что превышает его возможности, выходит за границы его понимания и контроля.

Это понимание резко отличается от классической эволюционной парадигмы. Для последней развитие — объективный процесс перехода от низшего к высшему, подчиняющийся естественным закономерностям. Человек здесь — наблюдатель и участник предзаданного процесса. Проскурнин меняет угол зрения: развитие не существует вне человека и его волевого усилия. Оно не случается, а совершается. Развитие есть состояние вопрошания, направленное ввысь, за пределы наличного бытия.

Таким образом, развитие оказывается не столько движением, сколько состоянием вопрошания, направленным ввысь. Это — не онтологизируемая сущность, а жест устремлённости к универсумам Разума, которые человек не создавал и которые не может до конца постигнуть.

1.2. Функционирование и развитие: различие, определяющее онтологию конфликта

Ключевое различие, которое вводит автор, — различие функционирования и развития. Функционирование есть воспроизводство устойчивых структур, поддержание порядка в границах существующих норм. Оно опирается на знание, на отлаженные процедуры, на повторяемость. Развитие же есть нарушение функционирования. Как пишет Проскурнин: «Деятельностная ткань может ветшеть, рваться, деградировать, подвергаться коррупции» [1, с. 43]. Именно в этих разрывах возникает потребность в развитии как способе «ремонта» деятельностной ткани.

Это различие имеет прямое отношение к онтологии конфликта. Конфликт — это всегда сбой функционирования, разрыв в привычном порядке, противоречие, которое не может быть разрешено стандартными процедурами. Именно поэтому конфликт чаще всего воспринимается как угроза — как нечто, что должно быть устранено, чтобы функционирование могло продолжаться. Однако с точки зрения Проскурнина конфликт не есть помеха развитию — он есть его первый симптом, его эмбриональная форма. Развитие, будучи «именем претензии», обретает свою конкретность именно в конфликте, ибо только в конфликте человек вынужден выходить за пределы привычных решений, ставить себя в ситуацию неопределённости, рисковать. Конфликт, таким образом, есть онтологическая практика развития, его телесное, зримое, болезненное воплощение.

1.3. Развитие как выход за пределы: трансгрессия, риск и экзистенциальный выбор

Развитие невозможно без выхода за пределы: границ дозволенного, культурных норм, традиционных форм мышления. Первый акт развития, по мнению Проскурнина, был совершён Адамом и Евой — акт «превышения полномочий», нарушивший райский покой и положивший начало человеческой истории [1, с. 12]. Этот библейский сюжет автор

интерпретирует не как грехопадение, а как онтологическое событие, в котором человек впервые столкнулся с необходимостью выбирать и нести ответственность.

Развитие требует трансгрессии, но эта трансгрессия сопряжена с риском. Выходя за установленные рамки, человек не знает, что его ждёт. Развитие есть экзистенциальный выбор, а не технологическая операция. Именно поэтому развитие не может быть гарантировано или запланировано в обычном смысле — оно всегда содержит момент непредсказуемости.

Г.П. Щедровицкий неоднократно подчёркивал эту же мысль, когда говорил, что «цена достижения цели — жизнь экипажа» [цит. по 1, с. 13]. Развитие требует готовности потерять устойчивость. В этой точке — точке риска — конфликт становится неизбежным спутником развития. Конфликт есть форма, в которой проявляется напряжение между стремлением к новому и сопротивлением старого.

1.4. Воля и смысл: преодоление как путь к личности

В этом контексте особое значение приобретает вопрос не «от чего» развиваться, а «зачем» и «для чего» [1, с. 10]. Постановка такого вопроса характерна для человека, обретающего свою личность, стремящегося к «высшему, чем ты» [5, с. 78]. Развитие становится формой личного усилия, внутреннего напряжения, направленного на преодоление наличного состояния.

С.И. Гессен отмечает: «Степень достигнутой личностью свободы зависит от двух моментов: от степени её волевого напряжения и от объёма окружающих её культурных содержаний» [5, с. 83]. Проскурнин подхватывает эту мысль: развитие возможно лишь тогда, когда человек оказывается способным «зажечься предчувствием нового» [5, с. 168], даже если это новое ещё не обрело формы. Воля выступает как движущая сила развития, как способность не просто реагировать на внешние обстоятельства, но преобразовывать их. Воля позволяет человеку выдержать конфликт, не разрушиться в нём, а использовать его как импульс для собственного становления. Развитие есть не просто изменение, а личностный рост, который всегда проходит через конфликтные точки.

Раздел 2. Механизмы и «техника» развития

2.1. Рефлексивный выход как условие развития

Прорыв к новому требует рефлексивного выхода — способности взглянуть на себя и на ситуацию со стороны. Рефлексия, как показал В.А. Лефевр, «открывает способ развития и его изображение в истории мышления» [4]. Выход за пределы мышления в Разум и последующее возвращение через понимание — это «шаг развития», который задаёт новое качество сознания [1, с. 31].

Рефлексивный выход — не пассивное созерцание. Это активное действие, в котором субъект не просто фиксирует своё состояние, но изменяет отношение к себе и к ситуации. Именно это изменение отношения составляет суть «шага развития» [1, с. 31]. Рефлексия делает возможной не адаптацию, а трансформацию, переход на новый уровень понимания и действия.

Рефлексивный выход по своей природе конфликтогенен. Выходя за пределы наличной позиции, субъект сталкивается с другими точками зрения, другими логиками, другими

системами ценностей. Он оказывается в пространстве множественности, которое требует выбора и согласования. Рефлексия есть не уход от конфликта, а погружение в конфликт на ином уровне. Противоречие между взглядом «изнутри» и взглядом «со стороны» создаёт напряжение, которое движет развитие.

2.2. Проблематизация как искусственное конструирование конфликта

Проблематизация «затягивает будущее в настоящее», создавая локус развития — разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть [1, с. 33]. Проблематизация не просто диагностирует кризис — она учреждает объект управления, ориентированного на развитие.

Ю.В. Громыко, развивая эту тему в рамках СМД-подхода, различает проблемную ситуацию и проблему. Проблемная ситуация — это способ действия, приводящий к появлению проблемы через предъявление взаимоотрицающих точек зрения [11]. Проблематизация есть технология обнаружения отсутствия мыслительных средств для достижения цели, включающая умение подвергать сомнению, схематизировать и самоопределяться в отношении противоречивых суждений [12].

Проблематизация не является пассивной фиксацией уже существующего конфликта. Это акт его конструирования — с опорой на рефлексивный выход и способность видеть разрывы там, где обыденное сознание видит только гладкую поверхность. Это инженерное действие в области смыслов. Конфликт, сконструированный проблематизацией, является искусственным по происхождению, но по своему действию он оказывается более мощным, чем многие естественные конфликты, потому что он осмыслен и принят субъектом как необходимый момент развития. Именно это превращает его из разрушительного фактора в конструктивный ресурс.

2.3. Разрыв как онтологический маркер развития (схема «шага развития»)

В схеме «шага развития» («велосипед») ключевым элементом является вертикальная черта — разрыв, отделяющий прошлое от будущего. Этот разрыв не может быть устранён плавным переходом. Его можно перепрыгнуть, но прыжок в неизвестность опасен. Поэтому прыжок замещается мышлением: «не можете развиваться — тогда мыслите!» [1, с. 40].

В схеме «шага развития» задаются три топа — прошлое, настоящее и будущее. Настоящее выступает как пространство мышления, которое соединяет прошлое и будущее через разрыв. Вертикальная черта есть онтологический маркер того, что развитие не может быть просто продолжением прошлого — оно требует качественного изменения, перехода в иную логику. Разрыв есть конфликтная ситуация в её чистой форме. Конфликт здесь предстаёт не как столкновение людей или интересов, а как онтологическая трещина, которая требует заполнения новым содержанием, новым способом действия, новым мышлением.

2.4. Мышление как заместитель риска

Мышление оказывается не органом развития, а его заместителем, позволяющим избежать риска реального действия. Настоящее развитие — не в мышлении о мире, а в миростроительстве. Но поскольку прямое действие чревато катастрофой, человек создаёт проекты, схемы, мысленные конструкции, которые становятся тренировочной площадкой для будущего.

Проскурнин называет это «принципом стандартизации» [1, с. 40]: мышление позволяет действовать в будущем на основе того, что было в прошлом, но с учётом необходимых изменений. Мышление создаёт модели возможных действий, которые могут быть испытаны до реализации. Мышление есть способ работы с конфликтом до того, как он перейдёт в открытое столкновение. Оно позволяет проиграть конфликт «в уме», найти возможные решения, оценить их последствия. Поэтому технология мышления становится ключевым инструментом управления развитием.

2.5. Технология мышления и задача как её универсальная единица

Технология мышления — особая форма организации интеллектуального труда, направленного на выращивание новых смыслов и решений. Универсальной единицей такой технологии Проскурнин предлагает считать «задачу» — искусственную конструкцию, которая позволяет оперировать с неопределённостью и придавать ей операциональную форму [1, с. 17].

Задача как единица технологии мышления включает: постановку проблемы, анализ условий, поиск средств решения и оценку результата. Она универсальна потому, что может быть применена в любой предметной области. Задача — та форма, в которой конфликт становится управляемым: он перестаёт быть стихийным столкновением и превращается в предмет сознательного проектирования.

Раздел 3. Онтологические основания развития

3.1. Разум и Рассудок: субстанциальное различие

В основании этих размышлений лежит различие Разума и Рассудка. Разум — дар Господний, источник универсумов (Природа, Право, Деятельность). Рассудок — освоенная, очеловеченная часть Разума, его инструментализация, работающая с универсалиями — законами, правилами, нормами [1, с. 4].

Проскурнин, следуя за Кантом, различает эти две способности, но придаёт этому различению онтологический статус. Разум продуцирует универсумы — целостные миры, которые не создаются человеком, но открываются ему как данность. Рассудок работает внутри этих универсумов, создавая правила, которые позволяют человеку действовать эффективно.

Развитие есть движение по освоению Разума, расширение области Рассудка за счёт новых проникновений в запредельное. Это движение всегда конфликтно, потому что освоение нового требует пересмотра старых правил, столкновения с неизвестным, преодоления привычных схем.

3.2. Развитие как познание Бога через созидательный труд

Всякая подлинно творческая деятельность — от научного открытия до художественного вдохновения — оказывается формой познания Бога, ибо она продолжает Его Замысел, вписываясь в универсум, Им порождённый [1, с. 7]. Проскурнин пишет: «Менделеев придумал свою таблицу, Ньютон сконструировал законы, Королёв вывел нас в космос, Гауди спроектировал храм невероятной красоты, Достоевский написал "Преступление и наказание" — вот всё это и есть постижение Господа Человеком в процессе труда» [1, с. 7].

Этот тезис придаёт развитию религиозное измерение, связывая его с творчеством как богоподобием. Человек, творя, уподобляется Творцу, и в этом уподоблении — источник развития. Конфликт выступает как момент напряжения между существующим и возможным, между тем, что уже создано, и тем, что ещё предстоит создать.

3.3. Конституты миров: Машина, Сеть, Организм

Для осмысления устройства миров Проскурнин вводит три предельные формы организации — конституты: Машина, Сеть, Организм. Идея развития применима к их «ремонту» и смене, но не в смысле технической починки, а как перестройка принципов существования [1, гл. 8].

Каждый конститут порождает свой тип конфликтности. Машина — форма организации, ориентированная на воспроизводство продукта. Конфликт в машине — функциональный: столкновение элементов, которые не обеспечивают заданного результата. Сеть — форма организации, ориентированная на связи и обмен. Конфликт в сети — конфликт связей: разрывы между узлами, нарушения коммуникации. Организм — форма организации, ориентированная на целостность и саморегуляцию. Конфликт в организме — конфликт между частью и целым.

Понимание этих трёх типов конфликтности позволяет анализировать конфликты в различных системах и проектировать их разрешение в зависимости от конститута системы.

Раздел 4. Конфликт в категориальном строе СМД-подхода

4.1. Конфликт как категория системного мышления

В классическом СМД-подходе категория конфликта не является центральной. Основное внимание сосредоточено на деятельности, мышлении, коммуникации, на их структурных и функциональных взаимосвязях. Конфликт, если и упоминается, то скорее как момент проблематизации или как один из возможных результатов столкновения позиций, но не как самостоятельная и фундаментальная категория.

Однако сама логика СМД-подхода, с его акцентом на рефлексивные выходы, множественность позиций и необходимость их соорганизации, неизбежно приводит к необходимости онтологического осмысления конфликта. В самом деле, если деятельность всегда коллективна и полипозиционна, если мышление есть диалог, если коммуникация — это пространство различий, то конфликт оказывается не случайным отклонением, а способом существования системы, способом поддержания её динамики и жизнеспособности.

Мы предлагаем ввести конфликт в категориальный строй СМД-подхода в качестве неотъемлемого момента рефлексии. Рефлексия, как уже отмечалось, всегда есть столкновение точек зрения — взгляда на себя и взгляда на себя со стороны. Эти взгляды могут совпадать, но чаще они расходятся, и именно это расхождение создаёт напряжение, которое движет рефлексивный процесс. Без конфликта позиций рефлексия вырождается в простое самоописание, теряя свою преобразующую силу.

Таким образом, конфликт оказывается внутренним механизмом мышления, а не только внешним социальным явлением. Он присутствует в каждом акте понимания, в каждом переходе от одной формы знания к другой, в каждой смене позиций.

4.2. Конфликт в пространстве универсумов: динамика и трансформация

Проскурнин, следуя классической традиции ММК, выделяет несколько универсумов — фундаментальных миров, которые продуцируются Разумом и задают горизонты деятельности, мышления и понимания: Природа, Право, Деятельность, Правда, Политика и другие [1, с. 4]. Каждый универсум имеет свою логику, свои средства и свои законы существования.

Конфликт в пространстве универсумов обретает особое измерение. Он не сводится к столкновению внутри одного универсума — он часто возникает между универсумами, как напряжение их несовместимости. Так, конфликт между логикой Природы и логикой Деятельности — это конфликт между «естественным» и «искусственным», между необходимостью и свободой. Конфликт между Правом и Политикой — это конфликт между нормативностью и властной целесообразностью.

Эти меж-универсумные конфликты не разрешаются в рамках какой-либо одной логики. Они требуют особого рода работы, которую можно назвать мета-конфликтной — работы по согласованию самих способов понимания и действия. Именно здесь методология оказывается незаменимой: она создаёт пространство, в котором различные универсумы могут встретиться, не отрицая друг друга, но вступая в диалог.

4.3. Диалогизм как способ проживания конфликта

В работах Проскурнина, особенно в его размышлениях о коммуникации и диалогизме, заметно влияние М.М. Бахтина [14]. Проскурнин отвергает модель коммуникации как простой передачи сообщения от отправителя к получателю, характерную для лингвистического структурализма Соссюра [15]. Вместо этого он принимает бахтинскую идею диалогизма: слово адресата всегда уже наполнено его внутренними смыслами, и в восприятии чужого слова происходит не просто приём, но «соприкосновение слова со словом» [14].

В контексте онтологии конфликта это означает, что диалог не есть способ устранения конфликта — это способ его проживания. В диалоге конфликт не исчезает, а артикулируется, обретает форму, становится предметом совместного осмысления. При этом диалог предполагает не просто обмен мнениями, но взаимное изменение позиций — их уточнение, углубление, иногда и пересмотр.

Здесь важно различать два типа диалога: монологизированный диалог и подлинный диалог. В первом случае участники обмениваются готовыми высказываниями, стремясь убедить друг друга или, наоборот, не изменяя ничего в своих позициях. Такой диалог лишь воспроизводит конфликт, не продвигая его разрешение. Во втором случае участники открыты к пересмотру своих представлений, готовы рискнуть собственной определённой ради рождения нового. Именно такой диалог, по мысли Проскурнина, является подлинной формой коммуникации в мыследеятельности.

4.4. Конфликт как условие обновления конститутов

Конституты — Машина, Сеть, Организм — не являются вечными и неизменными структурами. Они возникают, развиваются, трансформируются и в конечном счёте либо

умирают, либо переходят в другие формы. Этот процесс, как показывает Проскурнин, является формой развития [1, гл. 8]. Однако что движет этим переходом? Что заставляет систему отказываться от одной формы организации и искать другую?

Наш ответ: конфликт, который не может быть разрешён внутри существующего конститутива. Когда функциональный конфликт в Машине становится неразрешимым, она вынуждена переходить в Сеть, где вместо жёсткой упорядоченности возникает множественность связей. Когда конфликт связей в Сети достигает предела, она либо распадается, либо структурируется в Организм с его целостностью и саморегуляцией. И наоборот, когда Организм теряет способность к интеграции, он может вернуться к сетевой организации или к машинной функциональной определённости.

Таким образом, конфликт оказывается движущей силой конститутивных трансформаций. Он не позволяет системе застыть в своей идентичности, он постоянно подвергает её испытанию и тем самым поддерживает её жизнеспособность. Система, которая избегает конфликтов, обречена на стагнацию и, в конечном счёте, на гибель.

4.5. Конфликт как способ порождения субъектности

В СМД-подходе субъектность понимается не как врождённое или раз и навсегда данное качество, а как результат особого самоопределения, как способность занимать позицию в мысли и деятельности и нести ответственность за неё [1, с. 60]. Проскурнин добавляет важный нюанс: субъектность возникает в точке преодоления.

Мы хотим подчеркнуть, что субъектность не просто возникает в процессе развития, но возникает в конфликте, через столкновение с Другим и с самим собой. Без конфликта позиций нет необходимости занимать свою позицию, нет мотивации для самоопределения, нет среды, в которой субъект мог бы проявиться как нечто определённое и отличное от других.

Конфликт, таким образом, оказывается онтологическим условием субъектности. Вне конфликта существует лишь подчинение стандарту, шаблону, автоматическое функционирование. В конфликте субъект впервые сталкивается с необходимостью сделать выбор, выработать собственную линию поведения, принять ответственность. Именно этим объясняется, почему для Проскурнина «первый акт развития» — это «превышение полномочий», а не послушное следование установленному порядку [1, с. 12].

Раздел 5. Конфликт и технология мышления

5.1. Задача как операциональная форма конфликта

Одной из важнейших категорий в СМД-подходе является задача — искусственная конструкция, которая организует мышление и деятельность, задавая направление поиску решения. Проскурнин, развивая эту тему, предлагает рассматривать задачу как универсальную единицу технологии мышления [1, с. 17].

Задача, по своей сути, — это конфликт в операциональной форме. Она задаёт противоречие между исходным состоянием (условия задачи) и искомым состоянием (требования задачи), и это противоречие требует для своего разрешения особой

мыслительной работы. Без конфликта задача не была бы задачей — она была бы просто упражнением на воспроизведение известных алгоритмов.

Таким образом, технология мышления как работа с задачами есть, по сути, технология работы с конфликтами. Каждая задача требует определённого способа постановки, анализа, поиска решения — и каждый из этих этапов включает в себя конфликтные моменты: столкновение гипотез, необходимость выбора, пересмотр исходных допущений.

Методологическая важность задачи в том, что она позволяет стандартизировать конфликт, превратить его из уникального и непредсказуемого события в регулярно воспроизводимую мыслительную процедуру. Это не упрощает конфликт, но делает его управляемым, позволяет работать с ним систематически, переносить опыт решения одних задач на другие.

5.2. Конфликт как источник новых смыслов

В процессах мышления конфликт играет роль не только препятствия, но и источника. Именно столкновение разных логик, разных картин мира, разных языков порождает новое знание, которое не может появиться внутри одной, монологичной системы.

Проскурнин неоднократно подчёркивает, что методологическая работа — это работа с «разрывами», с «дырками в деятельностной ткани» [1, с. 25]. Но что есть эти разрывы, если не конфликты между различными способами организации деятельности? Конфликт здесь — это место, где привычные схемы перестают работать, где требуется выход за пределы наличного знания.

Именно поэтому онтология конфликта неразрывно связана с онтологией творчества. Творчество — это не создание из ничего, а разрешение конфликта, который привёл к тупику. В этом смысле каждый акт творчества есть конфликтное событие: он порождается конфликтом и сам становится конфликтом, потому что предложенное новое решение сталкивается с привычными установками и требует своей защиты и обоснования.

5.3. Технология конфликтологического мышления

Развивая идеи Проскурнина о технологизации мышления, можно предложить технологию конфликтологического мышления как особую форму организации интеллектуальной работы, направленную на работу с конфликтами во всех их проявлениях. Эта технология включает в себя следующие ключевые компоненты:

1. Распознавание конфликта. Первый шаг — умение увидеть конфликт там, где его не замечают, или там, где он скрыт под покровом обыденности. Это требует особой рефлексивной оптики, позволяющей отличать простое несовпадение мнений от онтологически значимого столкновения позиций.
2. Анализ конфликтной ситуации. Второй шаг — структурный анализ: выявление субъектов конфликта, их целей и интересов, ресурсов и ограничений, динамики и контекста. Этот анализ опирается на категориальный аппарат, выработанный в рамках СМД-подхода и дополненный конфликтологической рефлексией.
3. Проектирование конфликтного диалога. Третий шаг — организация такого взаимодействия субъектов конфликта, которое переводит его из деструктивной в конструктивную фазу. Это предполагает создание условий для диалога, в котором

каждая сторона может не только высказать свою позицию, но и услышать другую, не отказываясь от своей, но соглашаясь на её пересмотр.

4. Разрешение конфликта через развитие. Четвёртый шаг — не устранение конфликта, а его разрешение через качественное изменение всей ситуации, когда конфликт больше не воспроизводится как конфликт, а становится элементом новой системы отношений и смыслов.

Эта технология не является универсальной инструкцией, она должна адаптироваться к каждому конкретному случаю в зависимости от типа конфликта, конститута системы и стадии развития. Однако её методологическая основа остаётся стабильной: она опирается на категории рефлексии, проблематизации, диалогизма и субъектности, разработанные в традиции СМД.

Раздел 6. Развитие в образовании и управлении

6.1. Университет как «Инстанция Природы Всего»

Особое место в этой картине занимает образование. Университет, по мысли Проскурнина, должен быть не просто местом трансляции знаний, а «Инстанцией Природы Всего», порождающей будущее общественных систем [3, с. 83]. Образование здесь смыкается с религиозной интуицией: оно есть возвращение человека в горизонте непостижимого.

Университет как Инстанция Природы Всего должен выполнять функцию порождения новых смыслов, новых способов мышления и новых форм деятельности. Он не может быть подчинён государству или рынку, потому что его функция трансцендентна по отношению к ним. Университет — место, где человек учится выходить за пределы, сталкивается с конфликтами и учится их разрешать.

6.2. Образование как пространство конфликтного роста

Если мы принимаем это понимание, то конфликт в образовании должен рассматриваться не как помеха учебному процессу, а как его внутренняя форма. Конфликт — это способ обнажения неопределённости, превращения её из препятствия в предмет совместного осмысления. В этом смысле образование без конфликта — это не образование, а дрессировка, форма социальной адаптации.

Педагогическая практика, ориентированная на развитие, должна проектировать конфликтные учебные ситуации, в которых студенты сталкиваются с противоречиями, требующими самостоятельного разрешения. Такие ситуации не имитируют конфликт, они являются реальными конфликтами понимания и самоопределения. Их ценность не в том, что они готовят к «реальной жизни», а в том, что они уже есть сама реальная жизнь мысли.

Особая роль здесь принадлежит учителю, который выступает не транслятором знания, а организатором конфликтного пространства. Он создаёт условия, в которых конфликт может возникнуть и быть прожит продуктивно. Он не даёт готовых ответов, но помогает участникам двигаться в вопрошании. Он сам включён в конфликт не как арбитр, а как один из его субъектов.

6.3. Управление развитием как управление конфликтом

Управление развитием, по Проскурнину, — это работа с «разрывом», с конфликтной ситуацией, которая не может быть разрешена в рамках существующих структур [1, с. 33]. Это управление не директивно, а рефлексивно: оно не пытается навязать готовое решение, но помогает системе самой найти путь к своему обновлению.

В этом контексте управление конфликтом становится ключевой компетенцией управления развитием. Это не подавление конфликта и не его «цивилизованное урегулирование», а сопровождение конфликта в его развитии, помощь конфликту стать продуктивным, превратиться из разрушительной силы в созидательную.

Такое понимание требует от управленца не только административных навыков, но и методологической грамотности, способности к рефлексии, к анализу конфликтных ситуаций на уровне их онтологических оснований. Он должен видеть, как конфликт связан с конститутом системы, с её уровнем развития, с её универсальными рамками. Без этого любое вмешательство будет либо слепым, либо разрушительным.

Управление конфликтом в этом смысле — это искусство удерживания конфликта, не позволяя ему перейти в деструктивную фазу, но и не пытаясь его преждевременно «разрешить». Это искусство доверия к силе конфликта, к его способности порождать новое качество системы.

Раздел 7. Методы СМД-диагностики конфликта (разработки Московской школы конфликтологии)

7.1. Коллективная мыследеятельность как методологическая рамка диагностики

Московская школа конфликтологии (МШК) разделяет философские основания, заложенные в работах В.А. Проскурнина: понимание развития как «имени претензии», значение рефлексивного выхода и проблематизации, онтологический статус разрыва. Эти идеи близки МШК и составляют мировоззренческий фундамент школы.

В качестве непосредственной методологической рамки для диагностики конфликта МШК использует схему мыследеятельности (МД), разработанную Г.П. Щедровицким [6; 7; 8]. Схема МД даёт операциональный инструментарий для анализа конфликтных ситуаций, позволяя локализовать противоречия в трёх слоях — мышлении (М), коммуникации (К) и деятельности (Д) — и проследить их взаимные проекции.

Философские идеи Проскурнина задают онтологический горизонт, а схема МД служит инструментальной рамкой. Диагностика конфликта строится как работа с позициями, коммуникативными разрывами и деятельностью противоречиями в рамках коллективной мыследеятельности.

7.2. Позиционная диагностика конфликта

Этот метод направлен на выявление позиций участников конфликта. В СМД-подходе позиция понимается как место в мыследеятельности, задающее цели, средства, ценности и способы самоопределения субъекта.

Диагностика включает:

1. Реконструкцию позиций — через интервью и анализ высказываний выявляются цели, нормы, средства и ожидания каждого участника.

2. Построение позиционной карты — конфликтующие стороны изображаются как узлы с фиксацией связей и противоречий.
3. Сопоставление позиций — обнаружение точек несовместимости и точек пересечения.

Позиционная диагностика даёт представление о том, где возникает конфликт: на уровне целей, средств, норм или самоопределения.

7.3. Диагностика коммуникативных разрывов

Этот метод анализирует коммуникативный слой конфликта. Коммуникация понимается как обмен высказываниями, в котором участники производят и интерпретируют тексты. Конфликт в коммуникации проявляется в непонимании, расхождении смыслов, невозможности договориться.

Диагностика включает:

1. Запись и транскрипцию речевых событий.
2. Анализ языков и стилей — выявление сталкивающихся дискурсов.
3. Фиксацию смысловых разрывов — моментов, где высказывания не согласуются.
4. Анализ метакоммуникации — как участники комментируют процесс общения.

Результат — карта коммуникативных конфликтов, показывающая, где диалог блокируется и где возможны точки прорыва.

7.4. Диагностика деятельностных противоречий

Этот метод ориентирован на деятельностный слой. Конфликт в деятельности проявляется как рассогласование между целями и средствами, сбой в технологической цепочке, столкновение способов действия.

Диагностика включает:

1. Описание технологических процессов.
2. Выявление рассогласований — где участники по-разному понимают цели или нарушают нормы.
3. Анализ ролей и функций — пересечения и дублирования.
4. Выявление разрывов в деятельности — моментов, где деятельность не может быть продолжена.

Это позволяет понять, где конфликт имеет деятельностную природу.

7.5. Интегративная СМД-диагностика

На основе данных из трёх слоёв строится интегративная диагностика, которая выявляет:

1. Корневые противоречия — в мышлении.
2. Коммуникативные барьеры.
3. Деятельностные тупики.

Интегративная диагностика позволяет определить первичный слой конфликта и проследить его трансформацию. Это основа для стратегии вмешательства.

7.6. Применение диагностических методов в управлении и образовании

Методы диагностики используются:

1. В управлении — для анализа организационных конфликтов и выбора способов управления развитием.
2. В образовании — для диагностики учебных затруднений, организации проектной работы, подготовки педагогов к работе с конфликтами.

МШК создаёт учебные модули и практикумы, где слушатели осваивают эти методы и учатся применять их в реальных ситуациях.

Раздел 8. Этическое измерение онтологии конфликта

8.1. Конфликт как встреча с Другим

Онтология конфликта с необходимостью включает в себя этическое измерение. Конфликт — это всегда встреча с Другим, с субъектом, чья позиция не совпадает с моей и может быть неприемлема для меня. Эта встреча ставит меня перед вопросом: как я отношусь к этому Другому, как я признаю его субъектность, как я соглашаюсь на совместное проживание конфликта?

Проскурнин, вводя теологический аспект в теорию развития, связывает развитие с познанием Бога через труд и творчество [1, с. 7]. Это позволяет нам дополнить онтологию конфликта этическим акцентом: конфликт — это не просто столкновение рациональных позиций, но встреча сущностей, каждая из которых несёт в себе образ Всевышнего.

Такое понимание не позволяет нам относиться к конфликту как к технической задаче, как к чему-то, что нужно «решить» и забыть. Конфликт требует от нас этической ответственности, которая заключается не в стремлении к компромиссу любой ценой, а в способности сохранять диалог, уважая Другого, даже когда его позиция кажется нам ошибочной или враждебной.

8.2. Развитие как совместное становление

Этика ответственности приводит нас к идее развития как совместного становления. Это не движение одного за счёт другого, не борьба за победу, а процесс, в котором субъекты конфликта взаимно обогащаются, изменяются и растут благодаря противостоянию.

Такой взгляд на развитие требует отказа от модели «победитель — побеждённый» и перехода к модели «выигрыш-выигрыш», в которой конфликт не подавляется, а трансформируется в форму сотрудничества на новом уровне. Это не значит, что конфликт исчезает: он сохраняется как напряжение, но это напряжение становится источником движения, а не разрушения.

В этом смысле развитие оказывается бесконечным процессом, поскольку конфликт не может быть окончательно разрешён — он всегда воспроизводится на новых уровнях, в новых формах, с новыми субъектами. Это открывает перспективу бесконечного становления, которое не имеет внешней цели, но само является целью.

Раздел 9. Границы онтологии конфликта: о чём данное размышление не говорит

Прежде чем перейти к заключительным выводам, необходимо сделать важную оговорку, которая ограничивает применимость всей предложенной концепции. Всё изложенное выше рассуждение о конфликте как имманентном моменте развития, о его продуктивной силе, о диалоге как способе проживания и о диагностике как инструменте управления развитием имеет свои онтологические границы.

Данное размышление не касается ситуации конфликта с онтологическими врагами.

Под «онтологическими врагами» здесь понимаются такие субъекты (или силы), чьё существование отрицает саму возможность совместного бытия, чья позиция не просто отлична от нашей, но направлена на уничтожение нашего способа существования, наших ценностей, нашей субъектности как таковой. В таком конфликте предметом противостояния становится не распределение ресурсов, не согласование норм и даже не столкновение интерпретаций одного универсума. Предметом становится само право на существование — одной из сторон или обеих.

В чём состоит принципиальное отличие?

1. Отсутствие общего горизонта. В конфликте, который мы анализировали выше, всегда предполагается наличие некоторого общего поля — будь то общий универсум, общая деятельность, общая коммуникация или хотя бы общее понимание того, что такое «конфликт» и что такое «развитие». С онтологическим врагом этого общего поля нет. Враг отрицает не нашу позицию, а саму нашу онтологию, наш способ бытия в мире.
2. Диалог становится невозможным. Предложенная нами технология конфликтологического мышления опирается на диалог как на способ трансформации конфликта. Но диалог предполагает, как минимум, признание Другого в качестве субъекта, имеющего право на свою позицию. Онтологический враг не признаёт нас в качестве субъектов — и тем самым лишает диалог его онтологического основания. Диалог с тем, кто отрицает твоё право на существование, превращается либо в самообман, либо в стратегию выживания, но не в практику развития.
3. Проблематизация утрачивает свой конструктивный характер. Проблематизация, как мы показали, есть искусственное конструирование конфликта ради порождения нового. Но проблематизация возможна лишь тогда, когда сохраняется целостность субъекта, способного удерживать противоречие. В столкновении с онтологическим врагом проблема не конструируется — она обнажается как угроза, и эта угроза не оставляет пространства для рефлексивного выхода в том смысле, который мы обсуждали. Рефлексия здесь становится не инструментом развития, а инструментом выживания.
4. Конститутивы не обновляются, а разрушаются. В рамках нашей модели конфликт выступал как условие обновления конститутивов — перехода от Машины к Сети, от Сети к Организму. Но онтологический конфликт не обновляет конститутивы; он их разрушает. Машина не перестраивается в Сеть, а уничтожается. Организм не переходит на новый уровень интеграции, а распадается. Это не развитие — это катастрофа в прямом смысле слова: переворот, ломка, исчезновение.
5. Этика ответственности сталкивается с пределом. Мы ввели этическое измерение конфликта как встречу с Другим, требующую уважения и готовности к совместному становлению. Но этика ответственности имеет свои границы: она не требует от нас уважения к тому, кто стремится нас уничтожить. Ответственность перед Другим не отменяет ответственности за собственное существование. В ситуации онтологической угрозы этический императив трансформируется: от «жить вместе» к «сохранить себя, чтобы сохранить возможность жизни вообще».

Таким образом, всё предложенное рассуждение о конфликте как двигателе развития, о диагностике как инструменте управления и о диалоге как способе проживания действительно в границах, где конфликтующие стороны признают друг друга в качестве субъектов, где существует общее поле смыслов и где сохраняется возможность совместного становления.

За этими границами — там, где начинается онтологическая война, — методология СМД не даёт ответов и не предлагает рецептов. Она может лишь засвидетельствовать: здесь развитие как «имя претензии» становится невозможным, потому что претензия упирается не в предел, который можно перешагнуть, а в бездну, которая поглощает.

Это признание не является слабостью концепции. Напротив, оно является условием её честности: методология не должна выдавать себя за универсальный инструмент, применимый к любым формам конфликтности. Она должна знать свои границы и уметь их обозначать. В этом — не редукция, а уточнение её собственного онтологического статуса.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно онтологии конфликта в СМД-подходе и её развития в работах В.А. Проскурнина.

1. Конфликт является не внешним препятствием для развития, а его внутренним механизмом. Развитие, будучи «именем претензии» и волевым актом преодоления, неосуществимо без конфликта между наличным и возможным, между старым и новым, между различными позициями и логиками.
2. Категория конфликта естественно встраивается в категориальный строй СМД-подхода через понятия рефлексивного выхода, проблематизации, разрыва, субъектности и диалогизма. Конфликт оказывается операциональной формой этих категорий, их «телесным» выражением в мысли и деятельности.
3. Различные конституты (Машина, Сеть, Организм) порождают различные типы конфликтности — функциональную, сетевую и организмическую. Понимание этой типологии необходимо для адекватной работы с конфликтом в зависимости от онтологической природы системы.
4. Конфликт является источником порождения субъектности. Без конфликта нет необходимости в самоопределении, нет условий для проявления ответственности и автономии.
5. Технология конфликтологического мышления может быть разработана на основе СМД-подхода как способ работы с конфликтами, превращающий их из деструктивных столкновений в продуктивные источники развития.
6. Образование и управление развитием должны быть переосмыслены как практики культивирования конфликта, а не его устранения. Это требует нового типа компетенций — методологических, рефлексивных, диалогических.

7. Онтология конфликта с необходимостью включает этическое измерение, поскольку конфликт всегда есть встреча с Другим, и эта встреча требует ответственности, уважения и готовности к совместному становлению.

Соединение онтологии развития (по Проскурнину) с инструментальной диагностикой конфликта (по схеме МД Щедровицкого), разрабатываемой Московской школой конфликтологии, создаёт продуктивную рамку для дальнейших исследований и прикладных разработок. Конфликт, который часто воспринимается как препятствие, оказывается онтологическим условием развития, а его диагностика становится не просто технической процедурой, а элементом управления развитием.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных конфликтологических технологий на основе СМД-подхода, на изучение конфликтов в различных конститутивных средах, на анализ образования как конфликтной практики. Особый интерес представляет сопоставление предложенной онтологии конфликта с классическими философскими концепциями — от Гераклита до Гегеля, от Бахтина до современной конфликтологии. Остаётся нерешённым и вопрос о том, как избежать редукции конфликта к технической задаче, сохраняя его онтологическую глубину и этическую значимость. Мы полагаем, что ответ лежит в самом СМД-подходе: только удерживая конфликт в пространстве методологической рефлексии, мы можем сохранить его как источник развития, а не превратить его в объект манипуляции.

Представленный в настоящей статье анализ онтологии развития и конфликта, предложенный В.А. Проскурниным, позволяет с полным основанием квалифицировать его как СМД-методолога, работающего в поле российской конфликтологии. Его вклад заключается не просто в развитии категориального аппарата СМД-подхода, но в радикальном переосмыслении самого статуса конфликта: от внешнего препятствия — к имманентному условию развития.

Проскурнин не только вводит конфликт в онтологическое измерение мыследеятельности, но и разрабатывает конкретные механизмы — рефлексивный выход, проблематизацию, работу с разрывом, — которые становятся инструментальной базой для конфликтологической диагностики и практики. Его понимание развития как «имени претензии», различение функционирования и развития, а также введение конститутов (Машина, Сеть, Организм) задают онтологическую рамку, в которой конфликт перестаёт быть деструктивным шумом и обретает статус конструктивного напряжения, движущего субъектность и социальные трансформации.

В этом смысле работы Проскурнина составляют философско-методологический фундамент для всей последующей разработки СМД-ориентированной конфликтологии в России. Они не просто дополняют классическую схему мыследеятельности Г.П. Щедровицкого, но придают ей экзистенциальную, этическую и даже теологическую глубину, что особенно востребовано в современных условиях, когда конфликтность пронизывает все уровни социального бытия. Признание Проскурнина СМД-методологом в конфликтологии — это не дань традиции, а необходимое условие для построения адекватной теории и практики управления развитием в эпоху турбулентности.

Список литературы

1. Проскурнин В.А. Идея развития и онтология. Т. I.5 ПСС. К идее развития в контексте СД-СМД методологии. – Харьков, 2025. – 312 с.
2. Проскурнин В.А. Идея развития и онтология. Т. II.5 ПСС. Записки онтологиста. – Харьков, 2025. – 288 с.
3. Проскурнин В.А. Идея развития и онтология. Т. IV.5 ПСС. (почти)Сеть. (вроде)Право. (около)Бытие. – Харьков, 2024. – 256 с.
4. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании // Проблемы исследования систем и структур : материалы к конференции / ред. М.Ф. Веденов [и др.]. – М.: АН СССР, 1965. – С. 61–68.
5. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – Берлин: Слово, 1923; М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
6. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. – М. : Наука, 1987. – С. 120–140.
7. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: курс лекций // Из архива Г.П. Щедровицкого. – М., 2000. – Т. 4. – 400 с.
8. Щедровицкий Г.П. Онтология и онтологическая работа // Вопросы методологии. – 1996. – № 3–4. – С. 5–18.
9. Щедровицкий Г.П., Котельников С.И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях. – М.: ВНИИ системных исследований, 1983. – С. 70–90.
10. Котельников С.И. Археология смыслов о методе : доклад на IX Чтениях памяти Г.П. Щедровицкого. – М., 2003. – 15 с. – Рукопись.
11. Громыко Ю.В. Технология проблематизации [Электронный ресурс] // Технологии мышления. СМД-онтология. – URL: <https://smd.mirtesen.ru/blog/43253242364/Gromyko-YU.V.-Tehnologiya-problematizatsii> (дата обращения: 18.07.2026).
12. Громыко Ю.В. Метапредмет «Проблема» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.koob.ru/gromyko_yu_v/metapredmet_problema (дата обращения: 18.07.2026).
13. Громыко Ю. Коммуникативный конфликт и проблематизация в контексте содержательно-генетической логики [Электронный ресурс] // conflictmanagement.ru. – 2017. – 9 июля. – URL: <https://conflictmanagement.ru/2017/07/09/kommunikativnyiy-konflikt-i-problematizatsiya-v-kontekste-soderzhatelno-geneticheskoy-logike/> (дата обращения: 18.07.2026).
14. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–280.
15. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
16. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М. : Мысль, 1974. – 488 с.
17. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. Корбута. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 300 с.
18. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.

19. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
20. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. – М.: Эксмо, 2015. – 736 с.
21. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. с фр. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 156 с.
22. Лем С. Сумма технологий / пер. с пол. – М.: Мир, 1968. – 608 с.
23. Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. Управление против власти. Как реализуются замыслы. – М.: ЯСК, 2022. – 586 с.
24. Попов С.В. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественности // Социальное проектирование. – М., 1999. – С. 65–72.
25. Генисаретский О.И. Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. – М.: Наука, 1970. – С. 48–64.
26. Цой Л.Н. Практическая конфликтология. Книга первая. – М.: Глобус, 2001. – 233 с.
27. Цой Л.Н. Организационный конфликтменеджмент: 111 вопросов и 111 ответов. – М.: Книжный мир, 2007. – 352 с.
28. Цой Л.Н. Конфликтология: от теории к практике // Мир психологии. – 2005. – № 2. – С. 47–62.
29. Цой Л.Н. Существующие подходы к исследованию, анализу, типологии и классификации конфликтов (дискуссии с современниками) // Социальный конфликт. – 2000. – № ... – С. ...
30. Цой Л.Н. Системо-мыследеятельностный (СМД) подход в становлении и развитии российской конфликтологии [Электронный ресурс] // conflictmanagement.ru. – URL: <https://www.conflictmanagement.ru> (дата обращения: 19.07.2026).
31. Цой Л.Н. Конфликт как искусственное образование [Электронный ресурс] // conflictmanagement.ru. – URL: <https://www.conflictmanagement.ru> (дата обращения: 19.07.2026).